

MARGINALIA—PUSHKINIANA.

Замѣтки на поляхъ сочиненій Пушкина.

Отъ автора.

Заглавіе, избранное мною, объясняетъ происхожденіе этихъ замѣтокъ: то, въ буквальномъ смыслѣ, краткія записи на поляхъ разныхъ изданій Пушкина. Съ ранней юности, сочиненія Пушкина—мое самое любимое чтеніе. Я читаю и перечитываю Пушкина, его стихи, его прозу, его письма, въ разныхъ изданіяхъ, какія только могъ получить для своей библіотеки: „оригинальных“, т. е. вышедшихъ при жизни великаго поэта, „капитальных“, каковы изданія Анненкова, Литературнаго Фонда, Академическое, Венгерова, и даже въ „случайныхъ“, выпущенныхъ книгопродавцами исключительно съ корыстной цѣлью. Читаю я обычно съ карандашемъ въ рукахъ и люблю дѣлать помѣтки и записи въ своихъ книгахъ. (Лично мнѣ кажутся болѣе живыми книги, въ которыхъ душа чтеца на поляхъ—

Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.)

Такимъ путемъ, за нѣсколько десятковъ лѣтъ моего чтенія, у меня составилось не мало записей, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину. Записи это весьма разнородны: здѣсь и біографическія данныя, и сужденія эстетическія, и указанія на варианты, пропущенные издателями, и поправки мнѣній, высказанныхъ комментаторами, и многое другое. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ не лишены интереса, какъ для специалистовъ, изучающихъ Пушкина, такъ и вообще для всѣхъ читателей, любящихъ нашего великаго поэта. Опубликовывая теперь свои замѣтки, я, однако, не имѣю возможности привести

ихъ въ какую-либо систему. Онѣ будутъ печататься внѣ какого-либо порядка, исключительно по мѣрѣ того, какъ я буду выбирать изъ разныхъ изданій разныя, вписанныя мною на поля строки. Само собой разумѣется, что все же я постараюсь: 1) чтобы выбираемыя мною замѣтки сообщали что-либо новое, и 2) чтобы мои сообщенія говорили именно о Пушкинѣ, а не о моемъ къ нему отношеніи (чѣмъ я не намѣренъ утруждать вниманіе читателей). Вмѣстѣ съ тѣмъ я озабочусь придать своимъ бѣглымъ замѣткамъ, въ подлинномъ видѣ содержащимъ, большею частью, лишь намекъ на мысль, приходившую мнѣ въ голову,—литературную обработку т. е. распространить свои записи, сдѣлать ихъ обще-понятными. Добавлю, что каждая замѣтка будетъ начинаться ссылкой на то изданіе и на то мѣсто въ немъ, къ которому относилась моя первоначальная запись*).

В. Б.

I.

Вен. II, 248. Всѣмъ памятенъ эпиграфъ ко второй главѣ „Евгенія Онегина“:

О rus!
Hoc.
O Русь!

Воскличаніе Горация „O rus“ значитъ: „O деревня!“—поэтъ мечтаетъ о сельской жизни. Пушкинъ, въ шутку, переводитъ по созвучію: „O Русь!“ Но до сихъ поръ, кажется, не было указано, что эта шутка не принадлежитъ Пушкину: онъ только повторилъ каламбуръ, бывший въ ходу во Франціи, въ концѣ XVIII в. Въ запискахъ Стендаля (*Œuvres complètes, Romans et Nouvelles, P. 1854, p. LVI*), читаемъ: „Я вышелъ изъ école centrale, сдавъ экзамены, въ 1799 г. Тогда аристократы ожидали появленія русскихъ въ Гренобль; знавшіе Горация, твердили въ полъ-голоса:

«O rus, quando ego te aspiciam!»

Буквально стихъ Горация значитъ: „O, деревня! когда удастся мнѣ тебя увидѣть!“ Французскіе аристократы эпохи великой революціи

*) Для краткости, я буду означать изданія, на которыя особенно часто ссылаюсь, условно: Анп.—Анненкова, Ефр.—Ефремова (такого-то года), Л. Ф.—Литературнаго Фонда, Ак.—Академическое, Мороз. подъ ред. П. О. Морозова (т-во „Просвѣщеніе“), Венг.—подъ ред. С. А. Венгерова, Пер.—Переписка подъ ред. В. И. Сантова и т. под. Означенія эти сразу понятны всѣмъ, интересующимся Пушкиннымъ.

придавали, по созвучію, славу „рус“ значеніе „русскій“ и, твердя въ полъ-голоса стихъ Горация, какъ бы восклицали: „О, русскій! когда же я тебя здѣсь увижу!“ Весьма вѣроятно, что этотъ каламбуръ, передаваемый Стендалемъ какъ ходячій, былъ извѣстенъ Пушкину, да онъ и не выдаетъ его за свой.

II.

Вен. II, 6. Отрывокъ „Мнѣ бой знакомъ“ 1820 г. замѣчательнъ своей звукописью:

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цѣль лѣтъ свободы вѣрный воинъ
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И мимыхъ жемъ лобзаний не достоинъ.

- Въ ст. 1 ударяемыя гласныя: о—о—ю—у—с (причемъ ю—у).
- „ 2 „ „ е—е—о—а—а.
- „ 3 аллитерація: в—вав—ав
- „ 4 „ : м—м—м и повтореніе гласной: е—е—е.
- „ 5 „ : в—в—в—в „ „ : е—е—е.
- „ 6 беззвучка ранѣе употребленныхъ гласныхъ: о—с—а.
- „ 7 аллитерація: л—л—л.
- „ 8 „ : л—л и отзвучіе: н—н—н—н.

Всѣ эти звуковыя построенія, какъ всегда у Пушкина, глубоко соотвѣтствуютъ *содержанію* каждаго стиха и создаютъ особую звуковую изобразительность.

III.

Акад. I, 177. „Посланіе Лидѣ“ 1816 г. Кажется, до сихъ поръ не было обращено вниманія. что во всемъ этомъ стихотвореніи. въ 64 стиха, всѣ мужскія рѣмы—на одинъ звукъ, иначе говоря, во всемъ стихотвореніи—одна мужская рѣма, на онъ. Эта рѣма встрѣчается въ стихотвореніи 30 разъ: Купидонъ, тронъ, тонъ, законъ, поклонъ, звонъ, спасенъ, Нинонъ и т. д. Врядъ ли это можно объяснить случайностью; естественнѣе видѣть въ этомъ сознательный приемъ молодого поэта. Напомнимъ, что выдерживать во всемъ стихо-

твореніи одну риѣму—обычный приѣмъ въ поэзіи восточной (арабской, персидской, армянской), а также—старо-французской („*Chansons des Gestes*“): изъ послѣдней Пушкинъ и могъ заимствовать этотъ приѣмъ.— Въ томъ же стихотвореніи первая женская риѣма на *ery* повторяется 8 разъ.

Нѣчто похожее находимъ въ стихотв. „Въ альбомѣ Паличевскому“ 1817 г., *Акад. I, 251*: преобладающее число риѣмъ имѣють въ себѣ звукъ *e*: риѣма на *еть*,—поэтъ, нѣтъ, лѣтъ, свѣтъ,—встрѣчающаяся 4 раза; на *ей*,—скорѣй, мой, своей,—3 раза; на *еній*,—геній, твореній,—2 раза; на *енья*,—сомнѣнья, вдохновенья, забвенья,—3 раза; на *енный*,—оживленный, неизмѣнны,—2 раза; всего же—14 разъ, при общемъ числѣ 24 стиховъ.

IV.

Акад. I. Должно признать, что хронологія многихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина—условна. Первое стихотвореніе Пушкина, которое можно отнести къ опредѣленному году,—„Другу стихотворцу“: съ него и должны начинаться изд. соч. Пушкина, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Стихи, вездѣ печатаемые подъ 1812 г. („О, Делія дрогала!“, „Делія“ и, иногда, „Измѣны“) должно отнести къ „лицейскимъ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ лѣтъ“, такъ какъ пріурочиваніе ихъ къ опредѣленному году ничѣмъ не обосновано.

V.

Вен. I, 529. На А. С. Стурдзу, 1819 г. Едва ли не въ первый разъ въ русской литературѣ въ этой эпиграммѣ употреблены риѣмы четырехсложныя: библическаго—монархическаго. Такія риѣмы позднѣе встрѣчаются у Пушкина лишь въ „Сказкѣ о Балдѣ“. Послѣ того до Я. Полонскаго ихъ, кажется, не употреблялъ никто изъ русскихъ поэтовъ.

VI.

Вен. II, 566. Въ примѣчаніяхъ приведено нѣсколько стиховъ изъ „восьмистишія, попадающагося въ рукописяхъ“; стихи изображаютъ „перестрѣлку“ за столомъ: фрейлина попадаетъ прямо въ глазъ адъютанту хлѣбнымъ шарикомъ, а тотъ, признавая ея цѣлкость,

(умѣніе цѣлиться) грозитъ бросить въ нея ракомъ (такъ какъ за столомъ ѣдятъ раковъ). Полнѣе восьмистишіе читается такъ:

За трапезой царской
Адъютантъ сидѣлъ,
Съ важностью боярской
Чинно раковъ ѣлъ.
Фрейлина съ тарелки
Шарикъ ему въ глазъ.
„Барышня, вы цѣли,
Я же ракомъ васъ!“

VII.

Румянц. муз. Рук. 2365, л. 67 об. Рукой Пушкина записано, съ поправками, слѣдующее французское четверостишіе:

J'ai possédé maitresses,
Je les servais comme il le faut,
Mais je n'ai point tourné de têtes:
Je n'ai jamais visé si haut

Второй стихъ первоначально читался:

J'eus des femmes comme il m'en faut.

Рукопись неразборчива, и чтеніе нѣкоторыхъ стиховъ предположительно. Возможно, что эпиграмма написана самимъ Пушкинымъ, а возможно и то, что онъ лишь *записалъ* чужіе стихи и, записывая, *вспоминалъ* точный текстъ, изъ чего и возникли поправки. Мы склонны думать, что эпиграмма—Пушкина. Впрочемъ, и метрически и грамматически четверостишіе—далеко не безупречно.

VIII.

Вен. III, 575. „Предъ рыцаремъ блеситъ вода“ (Изъ „Orlando Furioso“ Аріосто). Примѣчанія. Не указано, что Пушкинъ передоложилъ въ стихи прозаическій переводъ К. Батюшкова.

IX.

Акад. III, 298. „И путникъ усталый на Бога ропталъ“ („Подражаніе Корану“). Ритмъ этого стихотворенія послужилъ прототипомъ

для ритма „Трехъ пальмъ“ Лермонтова. Пушкинъ же могъ, отчасти, заимствовать ритмъ стихотворенія изъ поэмы Мильвуа (насколько это возможно, при разницѣ стихосложенія русскаго и французскаго) „L'Arabe au tombeau de son coursier“ („Poésies“ de Millevoye, Paris 1851, p. 78):

Ce noble ami, plus léger que les vents,
Il dort couché sous les sables mouvants, etc.

В. Θ. Саводникомъ уже было указано, что идею „Анчара“ Пушкинъ также могъ почерпнуть у Мильвуа, изъ поэмы „Le Mancenillier“ (Ibid., p. 81), въ примѣчаніи къ которой авторъ говоритъ: „Манцениль, дерево, растущее на Антильскихъ островахъ, обладаетъ, какъ говорятъ, тѣмъ свойствомъ, что каждый, отдыхающій въ тѣни этого дерева, засыпаетъ, и сонъ переходитъ въ смерть“.

X.

Вен. II, 491. „Воспоминаніе“ („Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“.) Въ заключительной части стихотворенія, Пушкинымъ въ печать не отданной, есть одинъ стихъ 5-стопный (тогда какъ всѣ остальные нечетные стихи 6-стопные):

И сердцу вновь наносить хладный свѣтъ.

Выраженіе:

И оба говорятъ мнѣ *мертвымъ* языкомъ,

не совсемъ ясно. Оставляя въ сторонѣ совершенно неумѣстное здѣсь значеніе „мертвый языкъ“—языкъ, на которомъ болѣе не говорятъ (древне-греческій, латинскій), остается еще нѣсколько смысловъ этого выраженія: 1) мертвый—какъ эпитетъ именно *языка* („своимъ не живымъ языкомъ“); 2) мертвый—какъ эпитетъ языка въ значеніи *речи* („языкомъ мертвыхъ“, тѣмъ, на которомъ говорятъ умершіе), и др.

Какъ извѣстно, П. Е. Щеголевъ указалъ, что послѣдній стихъ въ автографѣ Пушкина исправленъ такъ:

О тайнахъ счастья и гроба.

Это даетъ болѣе глубокой смыслъ стиху, такъ какъ тайны „вѣчности и гроба“ (обычное чтеніе)—почти тавтологія.

XI.

Вен. II, 463. „Чистотой, прислугой и пойломъ“.. (1827 г.) Отрывокъ, несомнѣнно, написанъ 5-стопнымъ хореемъ (тѣмъ же размѣромъ, какъ стихи Лермонтова: „Выхожу одинъ я на дорогу...“) Сообразно съ этимъ должно и транскрибировать неразборчивый черновикъ Пушкина. Такъ, напр., въ отличіе отъ обычнаго текста, должно, вѣроятно, читать:

По ночамъ ходить онъ по конюшнѣ...
 (а не: „ходить онъ“)
 Какъ не взлюбить онъ коня...
 (а не: „взлюбилъ“; стихъ не додѣланъ).
 Съ морды каплетъ кровавая пѣна...
 (а не: „кроваяя“)

Можетъ быть, даже:

Съ полуночи до бѣлаго свѣта... И т. под.

XII.

Вен. I, 297. „Вишня“ („Румяной зарею“) 1815 г. Строфа:

Сучекъ преломленный
 За платье задѣлъ,
 Пастухъ удивленный
 Всю прелесть узрѣлъ...

является реминисценціей стиховъ „Душеньки“ Богдановича („Русскіе поэты“, подъ ред. С. Венгерова, I, 572):

Одинъ лишь наглый сукъ за платье задѣнулся,
 И Душенькинъ покровъ вверху остановился.
 Тогда увидѣлъ доль и гдѣсь
 Другое чудо изъ чудесъ.

Впрочемъ, „Вишня“ врядъ ли принадлежитъ Пушкину.

XIII.

Вен. II, 400. „Зимній вечеръ“ („Буря мглою небо кроетъ...“) Выраженіе:

То по кровлѣ обветшало
 Вдругъ соломой зашумитъ...

можно толковать двояко: 1) вѣтеръ начнетъ ворошить солому, которой крыта крыша („соломой“—abl. instrumenti); 2) вѣтеръ зашумитъ такъ, какъ шумитъ солома („соломой“—abl. modi). Давно слѣдовало бы издать сочиненія Пушкина съ изъясненіемъ смысла его стиховъ, по тому образцу, какъ изъясняютъ смыслъ текста въ изданіяхъ древнихъ классиковъ.

XIV.

*Вен. III, 175; Мороз. („Просвѣщеніе“), II, 154 и 517. „Дельвигу“ („Мы рождены, мой братъ названный“). 1830-ые годы. Кромѣ 8 стиховъ, напечатанныхъ П. О. Морозовымъ, и 3 неполныхъ, приведенныхъ имъ въ примѣчаніяхъ (у С. А. Венгерова 12 неполныхъ стиховъ), въ автографѣ Пушкина (Рум. муз., рук. 2376) можно прочесть, частью по догадкѣ, еще рядъ стиховъ. Въ цѣломъ стихотвореніе намѣчалось у Пушкина *приблизительно* такъ,*

(Дельвигу).

Мы рождены, мой братъ названный,
 Подъ одинаковой звѣздой:
 Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
 Играли нашею судьбой.
 Явились мы рано оба
 На Ипподромъ, а не на торгъ,
 Вблизи Державинскаго гроба,
 И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ.

 Мой стихъ, надеждами..... (богатый?)
 Педантъ безъ усталы журить;
 Твой слогъ, могучій и..... (крылатый?)
 Какой-то дразнить паразитъ.
 Но ты, сынъ Фебовъ беззаботный,
 Ты—плодъ возвышенныхъ затѣй
 Не придавалъ.
 Оцѣнкѣ хитрыхъ торгашей.
 Въ однихъ журналахъ насъ ругали,
 Упреки тѣ же слышимъ мы,
 Мы любимъ славу, да—въ бокалѣ
 Топить разсудокъ и умы.
 Избаловало насъ начало,
 И, въ гордой лѣности своей,
 Заботимся мы оба мало
 Судьбой гуляющихъ дѣтей!

Разумѣется, все это—первый черновой набросокъ, въ которомъ отдѣльныя выраженія даже не согласованы между собой. Наше чтеніе во многомъ предположительно. Напр., словъ: „богатый“—„крылатый“, въ рукописи нѣтъ, и мы ихъ поставили лишь для удобства чтенія. Но общая мысль стихотворенія уже вполне ясна: Пушкинъ вспоминаетъ, какъ первые стихи его и Дельвига были сочувственно встрѣчены критикой и читателями,—то, объ чемъ, позднѣе, вспоминалъ въ строфѣ „Евгенія Онѣгина“, говоря о своей музѣ:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Позднѣе, какъ извѣстно, публика „охладѣла“ и къ Пушкину и къ Дельвигу. Свершилось то, что выражено въ безсмертномъ сонетѣ „Поэту“:

Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной...

Но Пушкинъ, въ своемъ посланіи (оно относится къ 30-мъ годамъ), соглашаясь, что ихъ обоихъ „избаловало начало“, приглашаетъ друга не обращать вниманіе на то, что ихъ „журишь педантъ“ и „дразнить какой-то паразитъ“ и „не придавать“ значенія „оцѣнкѣ хитрыхъ торгашей“. „Мы любимъ славу“, признается Пушкинъ, но тутъ же вспоминаетъ эпикурейскій идеалъ своей юности (такъ тѣсно связанной съ Дельвигомъ): „топить въ бокалѣ разсудокъ“ и наслаждаться „гордой лѣнностью“, не заботясь о судьбѣ „гуляющихъ дѣтей“. Последнее выраженіе (только намекъ—въ черновомъ наброскѣ) выясняется заключительными стихами сонета. въ которомъ толпа также сравнивается съ дѣтьми:

.....пускай толпа его бранить
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
И въ *дымской* рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Правильно ли или нѣтъ выясненъ нами смыслъ чернового наброска, во всякомъ случаѣ онъ содержитъ очеркъ цѣлаго стихотворенія. Поэтому былъ совершенно правъ В. Е. Якушкинъ, который, въ своемъ описаніи пушкинскихъ рукописей, приводя 8 стиховъ, добавилъ: „далѣе еще много“. И весьма неожиданны поэтому слова П. О. Морозова, который, выписавъ эти слова В. Е. Якушкина, возражаетъ: „Однако, въ дѣйствительности, слѣдуетъ еще *два-три* исчерканныхъ строчки, гдѣ съ трудомъ можно прочесть:

И стихъ надеждой окрыленной...
Твой стихъ могучій и...
Какой-то..."

Можно сказать, что чрезвычайно странно читаетъ рукописи г. Морозовъ, если въ 16 стихахъ (съ поправками и больше) усмотрѣлъ только 9 словъ!

Валерій Брюсовъ.

(Продолженіе будетъ).

